

«За польскім часам...»

**ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ**

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Исторический факультет

Кафедра всеобщей истории

**«ЗА ПОЛЬСКИМ ЧАСАМ...»:
ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ**

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2019

УДК 94(476)«1921/1939»

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
учреждения образования «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

зав. кафедрой истории Беларуси, археологии
и специальных исторических дисциплин,
доктор исторических наук С.А. Пивоварчик;
зав. кафедрой социально-политических и исторических наук
УО «Брестский государственный технический университет»,
кандидат исторических наук, доцент *А.В. Мошук*

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук, доцент Е.С. Розенблат (гл. ред.),
кандидат исторических наук, доцент И.Э. Еленская,
кандидат исторических наук, доцент Е.И. Пашкович,
кандидат исторических наук, доцент Т.М. Тохиян,
лаборант кафедры всеобщей истории Н.И. Кравчук

«За польскім часам...»: Западная Беларусь в воспоминаниях современников / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина ; редкол.: Е.С. Розенблат (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2019. – 171 с.

Сборник содержит записи воспоминаний устной истории о 20–30-х гг. XX ст. жителей западных областей Беларуси. В сборник включены аналитическая статья; материалы устных воспоминаний, географический указатель, а также методические рекомендации по сбору материалов устной истории и работе с респондентами.

Адресуется научным работникам, ученым, преподавателям и студентам вузов, всем, кто интересуется актуальными проблемами новейшей истории Беларуси.

Работа выполнена в рамках гранта БРФФИ Г13-109 «Историческая память о 20–30-х годах XX века в устной истории (на примере западных областей Беларуси)» (№ гос. регистрации 20131474).

СОДЕРЖАНИЕ

Западная Беларусь в 1921–1939 гг.: историческая память о «соседях» в материалах устной истории.....	4
Воспоминания о 1921–1939 гг.	22
Географический указатель	159
Методические рекомендации по сбору материалов устной истории	163

ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ В 1921–1939 гг.: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О «СОСЕДЯХ» В МАТЕРИАЛАХ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Последние двадцать лет отмечены невиданной активизацией в изучении истории Западной Беларуси межвоенного периода. Открытость архивов, обращение к тематике истории национальных меньшинств, политических партий и организаций, издание многочисленных монографий и защита диссертаций создали предпосылки для нового, более объективного исследования истории Западной Беларуси [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13, 15; 16]. На очереди – фундаментальные исследования межэтнических отношений, ментальности различных этнических групп, ландшафта исторической памяти населения Западной Беларуси. И это очень непростая задача. Очевидно следует согласиться с авторами монографии «Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории», которые отметили, что «...феномен под названием “Западная Беларусь” слишком сложен для его однозначного толкования» [14, с. 93]. Отметим также, что Западная Беларусь представляла собой уникальный полиэтнический регион. Эту территорию можно рассматривать как обширную «контактную зону» межэтнических отношений, понимая под этим ограниченное пространство–место, где существует сложившаяся система межэтнической субординации и происходит активное взаимодействие между представителями различных этнических групп [11]. Принимая во внимание пропорции этнических групп, особенности их геополитической ориентации, образа жизни и традиционных занятий, а также специфику общественно-политической и социально-психологической атмосферы в городской и сельской местностях, следует, давая оценку межэтническим отношениям, различать особенности таких территориальных уровней, как город – местечко – деревня.

Оптимальным при изучении межэтнических отношений является выделение внутри контактной зоны контактных сфер – отдельных областей жизнедеятельности, в которых происходило установление систематических контактов между представителями различных этнических групп. В сферах общественно-политической жизни, жизнеобеспечения, межличностных отношений можно выделить ряд параметров, раскрывающих характер межэтнических связей: интенсивность и специфику взаимодействия этнических групп; мотивы вступления в контакт представителей различных этнических групп; степень регламентации межэтнических отношений институтами власти; степень традиционности или экстраординарности межэтнических отношений;

факторы, влияющие на динамику межэтнических отношений; механизм формирования этностереотипов.

Безусловно, изучение исторической памяти жителей Западной Беларуси будет неполным без привлечения материалов устной истории, которые содержат уникальную как прямую, так и скрытую информацию, только частично представленную в других источниках личного происхождения (мемуарах, дневниках, письмах), которая дает возможность изучать такие явления и процессы как: повседневная жизнь, ментальность белорусов, поляков и евреев, социальные, религиозные и нравственные ориентиры поведения представителей различных этнических групп в определенных социальных условиях, идеологизацию, мифологизацию и фольклоризацию прошлого.

Ландшафт исторической памяти жителей западных областей Беларуси о периоде вхождения этой территории в состав Польши в 1921–1939 гг. вмещает воспоминания о детстве, семье, повседневных заботах, обычаях и традициях. Значительное место в воспоминаниях занимают сведения об этнических группах соседей – евреях и поляках.

Следует учитывать, что воспоминания представителей старшего поколения транслируют не столько объективные представления о евреях, которые в восприятии окружающего населения являлись носителями чужой культуры и религии, сколько субъективные и, безусловно, мифологизированные суждения, основанные на наиболее распространённых этностереотипах. Высказывания респондентов укладываются в широкий диапазон мнений и оценок.

Исторически сложилось так, что социальная структура жителей западных областей Беларуси в значительной степени кореллировалась с этнической структурой населения. Особенностью ситуации здесь в 1920–1930-е годы являлось разделение, специализация рода занятий по национальному признаку. Поляки представляли элиту – интеллигенцию (служащие), белорусы составляли основную часть крестьянства, евреи доминировали в сфере бизнеса и коммерции – производстве и торговле. Существование подобной модели в значительной степени препятствовало смешиванию этнических групп на рабочих местах, ограничивало масштабы межэтнических контактов.

Многие воспоминания жителей западных областей Беларуси связаны с коммерческой деятельностью евреев. Евреи выступали в роли связующего звена между городом и селом, вели торговлю, участвуя в сделках «купли-продажи». Широкое хождение имеют рассказы о еврейской предприимчивости, изворотливости, способностях обманывать и таким образом наживаться за счет христиан. Сам род занятий евреев – их активное участие в торговле – определял со стороны принимающего

общества реакцию настороженности, подозрительности и уверенности в том, что богатство евреев не может являться следствием честного труда. Согласно крестьянской ментальности труд понимается как тяжелая физическая работа, этим отчасти объясняется позиция многих респондентов, которые отказываются считать евреев людьми, честно зарабатывающими на кусок хлеба. Традиционные занятия евреев ремеслом и торговлей трактовались в то время и объясняются до сих пор как средство сознательно избежать участия в единственно праведном способе получения средств к существованию – земледелии.

Одним из наиболее обсуждаемых аспектов, который возникает в воспоминаниях жителей западных областей Беларуси, является вопрос о еврейском благосостоянии. Любопытно отметить, что у белорусов, которые в подавляющем большинстве принадлежали к крестьянской среде, понятие «богатство» ассоциировалось прежде всего со значительной земельной собственностью, наличием большого количества скота и принадлежностью к властным структурам. Вследствие этой чисто крестьянской ментальности в качестве примеров богатых людей респонденты называют местных «панов» – владельцев имений, как правило, поляков по национальности. В случае с евреями мерилем богатства в глазах сельских жителей выступала не земля, а бытовое благосостояние, которое ассоциировалось с городским образом жизни. Евреи, проживавшие в деревне и местечке, или появлявшиеся в силу своих занятий в сельской местности, воспринимались как носители городской культуры. В воспоминаниях определены такие критерии еврейского материального благополучия как дома (квартиры), мебелировка, одежда, повседневная пища, драгоценности, деньги, возможности ездить за границу, заниматься бизнесом и использовать наемный труд. Но значительная часть респондентов отзывается о материальном положении еврейского населения гораздо более сдержанно. Белорусы, повседневно наблюдая жизнь еврейских соседей, замечали разницу в достатке еврейских семей и вспоминают о еврейской бедноте. Значительная часть респондентов отмечает такие качества евреев как трудолюбие, честность и бескорыстие. Нельзя не отметить, что если сообщения о еврейской хитрости носят абстрактный характер, то рассказы о еврейском трудолюбии, умениях выполнять различные работы по хозяйству и желании прийти на помощь соседям, в том числе соседям-христианам, как правило, проиллюстрированы конкретными примерами.

В записанных интервью содержится признание со стороны белорусов способностей евреев вести выгодную торговлю, предлагать разнообразные, пользующиеся спросом товары и услуги. Многие респонденты отмечают дешевизну товаров в еврейских магазинах и

лавках, вспоминают различные приемы, которые применяли еврей-торговцы, чтобы привлечь покупателей, возможность обменивать товары на сельскохозяйственные продукты, систему скидок, обходительность торговцев, их желание угодить клиенту. В сельской местности существовало острая проблема нехватки наличных денег. Для белорусского крестьянина возможность занять деньги у знакомого еврея было огромным успехом. На самых приемлемых условиях и без всякого юридического оформления документов евреи одалживали различные суммы денег, отпускали в кредит товары, что существенно облегчало решение повседневных проблем ведения хозяйства белорусскими крестьянами и горожанами.

Особое уважение у респондентов вызывают еврей-ремесленники. Обращение к услугам евреев-кузнецов, сапожников, портных считалось нормой сельской жизни. Многие респонденты подчеркивают профессионализм и высокое качество предлагаемых евреями услуг, а также возможность обучаться у них ремесленной специальности. Ещё одна важная деталь, характеризующая взаимоотношения евреев и соседей, – возможность заработать у евреев, поправить свое материальное положение. В белорусской деревне имел значение буквально каждый заработанный злотый, о чем свидетельствует тот факт, что в воспоминаниях жителей западных областей Беларуси, переживших много денежных реформ и изменений цен на товары, с документальной точностью указывается стоимость различных товаров и регламентация оплаты различных видов работ.

Материалы устной истории позволяют реконструировать образ еврея в восприятии жителей западных областей Белоруссии накануне второй мировой войны. Этот образ неоднозначен, поскольку и отношение к евреям со стороны принимающего общества было двойственным. Если суммировать все исходные данные, обобщив сообщения респондентов, можно нарисовать два собирательных еврейских портрета:

1. «Плохой» еврей. В этом образе преобладают отрицательные характеристики. Это хитрый, расчётливый, скрытно действующий человек, манипулирующий другими, менее предприимчивыми, «простыми» людьми. «Плохой» еврей представляет определенную опасность для окружающих: он может обмануть, воспользоваться неграмотностью «простых» людей, использовать их в своих целях. «Плохой» еврей живет по своим законам в чужом мире, познать который невозможно и проникать в который опасно. У «плохих» евреев все не так, как в своем, привычном мире, еврейский мир – это закрытый мир, враждебный белорусу, что чувствуется им на интуитивном уровне (конкретных доказательств вреда,

причиняемого евреями нет, но от этого убежденность в способностях евреев вредить другим людям не становится меньшей).

Позиция «свой – чужой» в отношении еврейского населения в рассказах респондентов обозначена достаточно четко. Понятие «чужой» определялось на основании особенностей внешности, культуры, религии, жизненного уклада.

Дистанция между еврейским и нееврейским населением, особенно в сельской местности, выдерживалась строго и неукоснительно. Браки с евреями были исключением, а ассортимент объяснений причин редких случаев заключения смешанных браков чрезвычайно показателен. С одной стороны, жители западных областей Беларуси склонны считать, что связать свою судьбу с представителем еврейского народа – значит опозорить свою семью, а с другой стороны подчеркивается нежелание евреев идти за заключение браков с белорусами, даже опасность подобных попыток.

Нарративы о евреях содержат отзвуки «кровавых наветов». Конфессиональный антагонизм между христианской и иудейской культурами обуславливал сохранение суеверий, своими корнями уходящих в средневековые традиции, об использовании евреями христианской крови для ритуальных действий.

2. «Хороший» еврей. В этом образе аккумулированы позитивные качества. «Хорошие» евреи отзывчивы, готовы прийти на помощь своим соседям, доброжелательны и открыты. Положительно характеризуя евреев, многие отмечают сплоченность евреев, еврейскую солидарность. Эти черты вызывают уважение и оцениваются как образцовые, достойные того, чтобы перенимать их, учиться взаимовыручке. Респонденты с одобрением отмечают такие качества евреев, как стремление дать детям образование, приверженность трезвому образу жизни.

Жители западных областей Беларуси как на индивидуальном, так и на коллективном уровне участвуют в создании параллельно сосуществующих в исторической памяти негативно и позитивно окрашенных образов еврея. В устных воспоминаниях еврей предстает одновременно в нескольких ипостасях: как «плохой» и «хороший», мошенник и помощник, опасный и безобидный сосед. Пожилые люди, которые сталкивались с евреями эпизодически, более склонны к демонизации евреев, чем люди, прожившие бок о бок с евреями много лет. Жители деревень и местечек, где евреи составляли значительную часть населения и где межэтническое взаимодействие строилось на постоянной основе, в большей степени склонны к созданию идеализированного образа соседа-еврея. Безусловно, на оценку современных респондентов особое влияние оказала судьба еврейского народа в годы Второй мировой войны.

Трагедия Холокоста, не оставившая равнодушными жителей западных областей Беларуси, наложила свой отпечаток на воспоминания людей. Сочувствие к погибшим придает определенный оттенок рассказам о характере довоенных взаимоотношений с евреями, вызывает иногда со стороны респондентов желание уклониться от воспоминаний об отрицательных сторонах межэтнических контактов.

Анализ собранных материалов устной истории позволяет представить определенную систему этнического взаимодействия, сложившегося на территории западных областей Беларуси накануне второй мировой войны. Отношения между евреями и белорусами регулировались на основании своего рода кодекса – неписаных правил, которые формировались на протяжении веков. Этническая солидарность между евреями и белорусами возникала прежде всего в хозяйственной сфере, где эти группы выступали как взаимодополняющие друг друга элементы. Инициативы в установлении рыночных отношений и активизации деловых контактов исходили во многом именно от евреев. Отсюда признание со стороны белорусов способностей евреев вести выгодную торговлю, предлагать разнообразные, пользующие спросом товары и услуги. В ряде случаев предприимчивость евреев раздражала и воспринималась как некий «еврейский заговор», договоренность не пускать в наиболее выгодные сферы деятельности белорусов. Неписанные правила невмешательства в сугубо «внутриэтнические» дела иной раз нарушались детьми и подростками, у которых повышенный интерес вызывали особенности чужой культуры.

Воспоминания помогают определить основные принципы, которых придерживалось еврейское население, существуя в иноэтнической среде:

1. Адаптация. Евреи обладали высокой степенью коммуникативности, были ориентированы на то, чтобы подстраиваться под существующие условия и по возможности изменять их для улучшения качества жизни. Евреи были способны мимикрировать в любом окружении. Адаптация облегчалась хорошим знанием местного языка и диалектов, местных традиций и обычаев, психологии окружающих. Евреи достаточно гибко реагировали на изменение политической и рыночной конъюнктуры, приспособлялись к требованиям принимающего общества и немалых успехов достигли в том, чтобы обеспечивать собственные интересы и даже войти в состав экономической элиты.

2. Обеспечение безопасности. Поведение евреев в повседневной жизни было продиктовано необходимостью создания таких внешних связей в принимающем обществе, которые могли служить гарантией безопасности жизни и имущества еврейского меньшинства. Горький опыт пережитых погромов и грабежей способствовал тому, что вырабатывалась

определенная манера общения с представителями других этнических групп. Соображения безопасности, т.е. поддержание нормальных отношений с окружающим населением, были выше материальной выгоды. Споры и дразги, возникающие на бытовом уровне, решались мирным путём, часто без обращения в официальные инстанции. Пожалуй, умение евреев разрешать конфликты без конфликтов, и порождали легенды об их хитрости и уме.

3. Сохранение идентичности. Проницаемость еврейской общины была ограниченной. Контакты с принимающим обществом устанавливались только в определенных сферах взаимодействия и не касались религии, традиций и культуры.

Взаимоотношения евреев и белорусов можно определить как этнический компромисс. Интеграция евреев в принимающем обществе была глубокой только в хозяйственной сфере. Это был не совсем надежный путь укрепления фундамента межэтнических отношений. Да, во многих воспоминаниях жителей западных областей Беларуси содержатся утверждения о полезности евреев, их активном участии в жизни местного сообщества, одобрительные отзывы о деятельности евреев. В условиях господства в белорусской деревне того периода практически натурального хозяйства с помощью евреев можно было решить проблему приобретения промышленных товаров первой необходимости, выручить за реализацию продуктов сельского хозяйства деньги, сэкономить на поездке в город, приобрести товар в кредит или одолжить определенную сумму на самых льготных условиях. Но в некоторых сообщениях респондентов явно чувствуется, что для поддержания хороших отношений с евреями им необходимо было сделать над собой некоторое моральное усилие, т.е. хорошие отношения были связаны с преодолением антипатии (кстати, не исключено, что взаимной). Евреи обладали хорошим экономическим ресурсом и умело распоряжались им, но модель взаимоотношений с другими этническими группами в силу этого имела дефекты, придавала хрупкость всей конструкции. Как только кардинально изменились исторические условия, выяснилось, что ни евреи, ни титульный этнос не были готовы к преобразованиям и быстрой перестройке отношений. В ходе советизации в 1939–1941 гг. западных областей Беларуси выяснилось, что взаимные претензии, которые гасились в предыдущий период, ждут подходящего случая, чтобы выплеснуться наружу.

Даже спустя десятилетия после исчезновения компактно размещенных еврейских общин память о прошлом и той роли, которую играли в нем евреи, продолжает оказывать влияние на современную жизнь. По меткому замечанию российского этнолога О.В. Беловой: «В опустевшем культурном пространстве возникает «новая мифология» об

ушедшем народе, о тех, кого нет...» [1, с. 12]. Впрочем, по мнению российской исследовательницы О.В. Беловой, на Полесье, где немногочисленные еврейские семьи жили в «окружении полешуков», сложилась иная, чем в местечках (где зачастую преобладало еврейское население) «мифологема еврея», когда в отличие от традиционного антагонизма: «свой – чужие», евреи во многом становятся «своими чужими», интегрированными в традиционный полесский быт. Но и в этом случае этнические «соседи» зачастую строят представления друг о друге не на основе «объективных знаний», но на основе «знаний», обусловленных стереотипами и традициями [2, с. 303–304]. Так, в записанных интервью, связанных с евреями, встречается сюжет о «маце, приготовленной с христианской кровью» и о празднике Кущей (Кучки).

Сохранению межэтнических границ в западных областях Беларуси в 20–30-е годы XX века способствовали патриархальность и традиционализм местного общества, низкий уровень урбанизации и модернизации, особенности менталитета жителей сельской местности. Необходимо учитывать и политику польских властей, способствующую не только сохранению очевидной иерархии этнических групп, но и направленную на увеличение дистанции между «высшей кастой» – поляками – и остальными этническими группами.

Западнобелорусское общество 1920–30-х годов было этнически структурировано, границы между этническими группами были достаточно жёстко закреплены. Часть респондентов, характеризуя евреев, сравнивает их с другой компактной этнической группой, существующей обособленно от белорусов – поляками. В таких случаях проявляются определенные тенденции. Несмотря на казалось бы обусловленную близость между белорусами и поляками (конфессиональную, хотя белорусы – православные, а поляки – католики; культурно-языковую – единое славянское происхождение), различие в социальном статусе поляков и белорусов в польском государстве создавало напряженность в межэтнических отношениях. На фоне поляков, которые в иерархии польского общества занимали самое привилегированное положение, евреи в глазах белорусов были ближе, поскольку были такими же приниженными и бесправными. Несмотря на различия – в занятиях, уровне достатка, традиций и культуры – белорусов и евреев роднило то, что они ощущали свою правовую несостоятельность. Поляки были над всеми остальными (обидчики, люди, обладавшие властью и контролирующими функциями), а евреи были рядом, ровней.

Материалы устной истории, запечатлевшие воспоминания жителей западных областей Беларуси о событиях 1920–1930-х годов, содержат оценки и суждения «маленького человека» о польском государстве и

польской власти, позволяют понять всю палитру сложных отношений к соседям-полякам, выявить наиболее распространенные стереотипы о представителях этой этнической группы. Чаще всего, характеризуя поляков, респонденты упоминают об учителях, панах (помещиках), реже – о врачах, ксендзах, офицерах, полицейских и осадниках.

Многие респонденты, вспоминая о своем детстве, говорят о польской четырех- или семилетней школе и гордятся тем, что, проучившись «при поляках» всего два-три года, научились читать и писать по-польски, сохранив эти умения до настоящего времени. Некоторые авторы воспоминаний с сожалением отмечают, что не имели возможности продолжить образование.

Учителя-поляки занимают особое место в материалах устной истории. Детям и подросткам они внушали почтение и страх. Сельская или городская школа была почти таким же сакральным местом как церковь или костел. Авторитет учителя, как правило, признавался и учениками, и их родителями, хотя учителя были разными. Одни выполняли свои обязанности формально, подчеркивали дистанцию между собой и «туземцами», кичились своей образованностью. Другие искренне интересовались детьми, поддерживали способных и талантливых, старались сделать школьную жизнь более яркой. В польской школе царила строгая дисциплина, звучала польская речь, внешний вид учащихся должен был соответствовать определенным правилам, дети обязаны были соблюдать нормы этикета, порядок поддерживался с помощью постоянно практиковавшихся жестких методов наказания.

Практически все респонденты отмечают, что за нарушение дисциплины, невыученный урок, различные провинности учителя больно били линейкой по рукам, это называлось «дать по лапе» (ученик по требованию учителя должен быть вытянуть руки вперед, учитель наносил сильный удар). Практиковались такие методы наказания, как оставление ученика в школе без обеда (пока не выучит материал), отсаживание за специальную «штрафную» парту, на которой была обидная надпись (например, «осел»), приказ стать на колени в угол на гречку. За особо тяжкие «преступления» ученик мог быть наказан розгами в кабинете директора.

Учитель ассоциировался с представителем польской власти, воспринимался как ее носитель и проводник политики польского государства. В обывательском смысле учитель-поляк наглядно демонстрировал разницу между высшим и низшим сословиями. Учителя / учительницы модно и дорого одевались, являясь с точки зрения малообразованных жителей-белорусов образцами безупречного вкуса и поведения. По местным меркам зарплаты учителей были весьма высокими

и позволяли им даже в самых глухих деревнях вести практически городской образ жизни (с покупкой дорогих вещей, выписыванием газет и журналов, поездками и развлечениями).

Отдельные примеры показывают, насколько велика была разница между учителем-поляком и местными жителями. Так, в д. Стрии Кобринского р-на Брестской области учителем был поляк из Гданьска пан Зволинский. Когда в 1939 г. его призвали в армию, местные жители узнали, что он оставил на съемной квартире 40 костюмов. В тот период даже белорусские крестьяне, относящие себя к обеспеченным семьям (т.е. имеющие достаточно большое хозяйство с землей, несколькими коровами и лошадьми), носили домотканую одежду. Женский гардероб, как правило, составляли две юбки – праздничная и повседневная, а покупка обуви была целым событием в жизни семьи. Следует отметить, что отсутствие обуви нередко являлось непреодолимым препятствием для посещения детьми школы в зимний период. Многие респонденты говорят о том, что родители-белорусы, в отличие от поляков и евреев, не стремились к тому, чтобы дети получали образование, в большей степени ориентировали детей на помощь в сельскохозяйственных работах, чем на учебу в школе.

Польская школа была тем местом, где происходило тесное взаимодействие между детьми разных национальностей. Большинство респондентов утверждает, что отношения между учащимися не были враждебными, в воспоминаниях встречаются сообщения о друзьях-поляках или евреях. Однако, часть интервью содержат информацию о неизбежных конфликтах между школьниками, имевших иногда национальную окраску. Некоторые респонденты считают, что состоятельные поляки запрещали своим детям играть и дружить с белорусами.

Формирование отношения к представителям иных этнических групп происходило прежде всего в семье. Дети в общении со сверстниками-поляками или евреями воспроизводили модель поведения родителей. Дружба белорусских и польских детей, так же как и вражда, были скорее исключением из правил. Взрослые предпочитали оставаться в своей этнической и социальной среде, так же поступали и дети. Негласные правила прочно удерживали школьников в границах своей этнической группы.

Отношение к полякам-панам – владельцам богатых имений, ведущих аристократический по местным меркам образ жизни, было со стороны белорусов неоднозначным. Ряд респондентов с уважением отзываются о стремлении панов к порядку, об образцовом ведении хозяйства. Многие имения являли собой эталон в организации работ, применении специальной техники, использовании новых культур, разведении лучших

пород скота. Дети и подростки, попадавшие впервые в имение рачительного пана, на всю жизнь запоминали яркие впечатления от вида аллей, высаженных экзотических деревьев, ухоженности сада, красоты оранжерейных цветов, оборудованных уголков отдыха с прудами и беседками.

Важной деталью, характеризующей взаимоотношения белорусов и панов-поляков, являлась возможность заработать в имении. С одной стороны белорусов возмущала несправедливость: контраст между богатством поляков-панов и бедностью крестьян был слишком велик, но с другой стороны в устных воспоминаниях звучат слова благодарности в адрес панов, которые предлагали оплачиваемую сезонную работу, оказывали помощь малообеспеченным соседям и могли поддержать в трудной ситуации (дровами, строительными материалами, деньгами, тяглой силой, семенами, советом).

Вместе с тем многие респонденты рассказывают о том, с каким нетерпением они ждали прихода Красной армии в 1939 г., как торжественно встречали советских солдат и командиров, радовались краху польской власти. Память людей сохранила воспоминания о том, как местные жители принимали участие в грабежах панских имений и даже убийствах поляков. Накопившаяся напряженность, обусловленная социальными и межэтническими претензиями, выплеснулась в действия, носившие криминальный характер. Некоторые респонденты оправдывают насилие по отношению к полякам тем, что польские паны отличались жестокостью, притесняли и эксплуатировали крестьян. В таком контексте грабежи польских имений выглядят как возмездие – акт социальной и человеческой справедливости.

Власть в городе, местечке и деревне олицетворяли представители польской администрации и полицейские. Жители западных областей Беларуси старались не нарушать требований соблюдения детально регламентированного порядка. Респонденты воспроизводят подробности, свидетельствующие о внимании представителей властей ко многим мелочам: дымоходы должны были быть побелены, в каждом доме должен был находиться «босак» (инструмент, применяемый для тушения пожара). По очереди в деревне несли «варту» – ночное дежурство, следили за порядком. Штраф (2 злотых) грозил за то, что собака была отвязана раньше 10 часов вечера. Особенно бдительно полицейские следили за политическими настроениями и жестко пресекали попытки принимать участие в любых акциях, свидетельствующих о просоветской позиции. Сельскую молодежь, которая собиралась петь советские песни, полицейские разгоняли дубинками. Дома людей, чей родственник переходил границу и оказывался в СССР, «обрывали» (сдирали с крыши солому), а их семьи

брались под особый контроль. Затрагивая в воспоминаниях подобные сюжеты, респонденты транслируют осознание факта, что белорусы жили не в своем государстве, вынуждены были подчиняться порядкам, установленным поляками. Многие жители западных областей Беларуси относились к любому поляку как к человеку, чье правовое положение, возможности и жизненные перспективы были заведомо лучше, чем у белорусов.

Материалы устной истории позволяют реконструировать образ поляка в восприятии жителей западных областей Беларуси накануне второй мировой войны. Отношение к полякам со стороны белорусов было различным, диапазон мнений и оценок достаточно широк. Если суммировать все исходные данные, профильтровав сообщения респондентов, можно нарисовать два собирательных полярно противоположных портрета поляка:

1. «Плохой» поляк. В этом образе преобладают отрицательные характеристики. Поляки – богаче, они лучше одеты и лучше питаются, считают себя умнее других, у них власть, престижная работа, за ними стоит государство, обеспечивая им защиту и привилегии. В случаях конфликтов с белорусами поляку априори было гарантировано доказательство его правоты, это соображение заставляло местных жителей относиться к полякам с опаской. Соседи-поляки – это фактор дополнительной тревоги, раздражения, страха, злости. Многие жители Западной Беларуси характеризует поляков как заносчивых, высокомерных, настроенных по отношению к другим этническим группам враждебно. Подобное дистанцирование поляков от других этнических групп вызывало ответную реакцию. Улавливая по отношению к себе замаскированное, а иногда и нескрываемое презрение, белорусы в качестве своеобразной «моральной компенсации» относились к полякам снисходительно-насмешливо, с юмором воспринимали их «национальную озабоченность» и гипертрофированное чувство осознания благородства собственного происхождения.

2. «Хороший» поляк. В этом образе сконцентрированы позитивные качества. Поляк – такой же, как и белорус: трудолюбивый, относящийся к другим с уважением. Среди положительных характеристик отмечаются чувство собственного достоинства, образованность, культурность (вежливость обращения с представителями более низких по социальному статусу групп, знаменитое галантное отношение к женщинам). «Хорошие» поляки отзывчивы и готовы прийти на помощь своим соседям.

Стереотипные оценки – упрощенные отзывы о соседях исключительно как о «плохих» или только как о «хороших» поляках – в материалах устной истории встречаются не очень часто. Гораздо более

типичной является ситуация, когда респондент вспоминает о разных поляках, отмечая, что среди них были «плохие» и «хорошие». Стереотипизации образа поляка, как в сторону идеализации, так и в сторону демонизации, способствуют различные факторы.

Значительную роль в оценках и суждениях, которые звучат в воспоминаниях респондентов в отношении польской власти и поляков, играет то, насколько благополучной в материальном отношении была семья респондента в период 1920 – 1930-х годов, были ли особые счеты семьи респондента с польской, а затем с советской властью. Если близкие родственники респондента преследовались польскими властями, а положение семьи улучшилось в период советизации, субъективизм в отношении поляков возрастает, и портрет поляков-соседей рисуется черными красками. Соответственно, если «при Советах» семья утратила имущество, болезненно переживала отказ от частной собственности и коллективизацию, а среди родственников были репрессированные, мнение, что «при поляках было лучше» проецировалось на образ поляков-соседей. Безусловно, следует учитывать частоту межэтнических контактов, в которых принимали участие респонденты, их личный опыт общения с представителями польской группы, степень зависимости респондента от взглядов «большинства», т.е. отождествление собственного мнения респондента с коллективным мнением своей этнической группы.

Характерным для некоторой части респондентов является ностальгирование о жизни «за польским часом». Последующие исторические события, которые вспоминаются респондентами как тяжелые, трудные, связанные с личными утратами, окрашивают воспоминания детства и отрочества, пришедшегося на польский период, в светлые тона. Как показывает изучение материалов устной истории, наибольшее недовольство жителей западнобелорусских территорий в 1939–1941 гг. вызывала начатая политика коллективизация и раскулачивания, негативные процессы в сфере торговли (дефицит товаров, очереди, закрытие частных магазинов и пр.), развёрнутая антирелигиозная пропаганда, репрессии, т.е. те социокультурные изменения, которые олицетворяли ломку устоявшегося быта. Соответственно период 1920–1930-х гг. часто вспоминается в основном как время покоя, стабильности и порядка – тех показателей достаточно благополучной жизни, которые практически исчезли в 1940–1950-е годы. Однако, практически все респонденты транслируют осознание факта, что «при Польше» белорусы жили не в своем государстве, вынуждены были подчиняться порядкам, установленным поляками. Многие жители западных областей Беларуси относились к любому поляку как к человеку, чье правовое положение, возможности и жизненные перспективы были заведомо лучше, чем у белорусов.

В целом изучение материалов устной истории позволяет сделать вывод о высокой степени этнотолерантности в западнобелорусском обществе 1920–30-х годов. Белорусы достаточно адекватно воспринимали еврейских и польских соседей, хотя психокультурная этническая дистанция не только оставалась, но и на протяжении 1920–30-х годов практически не сокращалась. Проблематику межэтнических взаимоотношений в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. следует деидеологизировать, а ответы на вопросы о причинах и характере изменений польско-еврейских и польско-белорусских отношений в последующие периоды нужно искать, используя междисциплинарный подход, методы социологии, психологии, истории, демографии.

Выводы

- Собранные материалы показывают практическое отсутствие контактной сферы, связанной с государственной и общественно-политической деятельностью (прежде всего в силу возраста и особенностей воспоминаний респондентов).
- Собранные воспоминания представляют в целом ситуацию этнической толерантности (прежде всего это касается сельского населения). Отмеченные в воспоминаниях конфликты и некоторое отторжение от «чужих» объясняется прежде всего этноконфессиональными стереотипами и вековой традицией. Некоторое исключение делается для маргинальной этнической группы (цыгане).
- Безусловной особенностью воспоминаний следует считать наиболее яркое воспроизведение деталей повседневного быта (опять же в силу возраста и яркости «воспоминаний детства»).
- Процесс полонизации в воспоминаниях представлен практически только школьным образованием, что конечно объясняется возрастом опрашиваемых (практически все респонденты получили начальное образование в польских школах). Тема осадничества и противостояния польской власти представлены либо слабо, либо не представлена вообще.
- Отображение в воспоминаниях темы СССР и советской жизни колеблется от «сказочных» («сказочная страна», где все живут хорошо) до сугубо прагматических (представлен материал о репрессиях – в основном это материал полесского пограничья, т.е. представления той части населения, которое имело больше информации и контактов с сопредельной стороной).
- Один из самых главных элементов исторической памяти, представленный в воспоминаниях – это тема выживания. Характерно, что практически все респонденты помнят и называют количество земли, скота, которое было в хозяйстве их семьи. Сюжет выживания характеризует их

отношения к внешним контактам. Этих отношения практически не было. Все время занимал крестьянский труд. Респонденты описывают сельскую культуру и общество как достаточно замкнутые, традиционные; прослеживается обособление повседневной культуры, деревни – местечка – города.

- Имеющиеся воспоминания об эмиграции соседей, родственников в Америку, выезды в местечко, город отличаются яркостью (запоминаемостью) и представляют собой одни из наиболее ярких воспоминаний детства (так же, как приобретение новой одежды, обуви и пр.).

- В воспоминаниях, касающихся повседневности, традиционной культуры, видна ее самодостаточность и неизменность на протяжении всего периода. Нет оснований говорить о каких-то значительных социокультурных изменениях (за исключением «школьной», языковой колонизации), которые начинаются только с 1939 г. и далее.

- Представленные воспоминания в абсолютном большинстве касаются белорусской деревни, что позволяет сделать срез жизни белорусского крестьянства в изучаемый период. Из контактных сфер межэтнических отношений в силу особенностей возраста респондентов и места проживания (деревня) наибольшее значение приобретает торговля и культурные контакты (прежде всего – школа, посещение храмов, праздники)

- Оценивая неизбежные мифологемы и стереотипы заметим, что в воспоминаниях присутствуют «стандартные» сюжеты: для евреев – маца с кровью, традиционные названия еврейских праздников (Кучки), некоторые элементы неприятия евреев (запах, одежда и т.д.), негативное восприятие цыган (прежде всего из-за образа жизни, возможного, но часто не подтверждаемого воровства, конокрадства и т.д.)

- Особый интерес представляет попытка обобщения «образа» поляков, белорусов и евреев. В целом отметим, что все эти «образы» более менее объективны и отвечают наиболее распространенным представлениям и стереотипам (поляк – «ганаровы», белорус – трудолюбивый, еврей – хитрый).

- В абсолютном большинстве случаев межнациональные отношения рассматриваются более толерантно теми респондентами, которые были детьми в описываемый период, а, следовательно, имели еще одну сферу межличностных отношений – детскую.

- Абсолютное большинство респондентов – сельские жители – рассматривают этнических соседей (поляков, евреев, украинцев) как «своих». В данном ракурсе концепт «свои – чужие» может касаться только цыган. «Своими» считаются все проживающие в одной деревне. К «чужим» в ряде случаев могут относиться хуторяне (поляки – осадники),

помещики (паны), а также жители местечек и городов (т.е. чужие по географическому признаку). При этом восприятие «чужих» очень часто происходит по внешнему виду (одежда), занимаемой должности (учитель, полицейский, судья) и только во вторую очередь «чужой» – может определяться по конфессиональному признаку.

- Полученные материалы позволяют говорить о значительной информационной изолированности сельских жителей (отсутствие прессы, практически отсутствие радио), а также отсутствии интереса к внешней информации и наоборот распространённости «сарафанного радио», формировании информационного пространства исключительно слуховой средой, которая в свою очередь и порождает мифологемы, традиционно воспроизводит стереотипы. Образ жизни (правильнее сказать – борьба за выживание) указывают на определенную степень аполитичности и общественного нигилизма.

1 Белова, О.В. «Еврейский миф» в славянской культуре / О.В. Белова, В.Я. Петрухин. – М., 2008. – 569 с.

2 Белова, О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О.В. Белова. – М.: Индрик, 2005. – 288 с.

3 Борисенок, Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века / Ю.А. Борисенок. – М., 2013.

4 Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае развіццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : манаграфія / А.М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2008. – 319 с.

5 Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае развіццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / А.М. Вабішчэвіч.

6 Вайцешчык, Г.С. Мясцэчкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Г.С. Вайцешчык.

7 Грэсь, С.М. Аграрныя пераўтварэнні ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С.М. Грэсь.

8 Даркович, А.Л. Городское самоуправление в Западной Беларуси. 1936–1939 гг. / А.Л. Даркович // Вопросы истории. – 2012. – № 2. – С. 74–90.

9 Даркович, А.Л. Западнобелорусские земли в политике Польского государства в 1919–1926 гг. / А.Л. Даркович // Славяноведение. – 2010. – № 4. – С. 54–65.

10 Зялінскі, П.І. Аграрная рэформа ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / П.І. Зялінскі // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР:

Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 крас.1999 г., Мінск. – С. 24–30.

11 Коўкель, І.І. Эканамічнае становішча Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы (1921–1939 гг.) / І.І. Коўкель // Праблемы ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 крас.1999 г., Мінск. – С. 16–24.

12 Лаўрэнка, Л.В. Развіццё рамяства і рамеснай вытворчасці на заходнебеларускіх землях у 1921–1939 гг. / Л.В. Лаўрэнка // Вестн. Полоцкага гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 77–82.

13 Розенблат, Е.С. Контактные зоны межэтнических отношений в 1939–1941 гг. Пример Западной Беларуси / Е.С. Розенблат // Аспекты еврейского образования и общественной жизни в Прибалтике до Второй мировой войны: тезисы докладов и лекций // Центр памяти и изучения истории Холокоста при Музее Рижского гетто и Холокоста в Латвии, Еврейское общество «Шамир», Ин-т философии и социологи Латвийского ун-та, март 2011 г. – Рига, 2011. – С. 25–27.

14 Сидорцов, В.Н. Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории : монография / В.Н. Сидорцов, И.А. Кандыба, М.М. Равченко ; под ред. В.Н. Сидорцова. – М. : МАКС Пресс, 2010.– 272 с.

15 Токць, С.М. Беларуская вёска на мяжы эпох: Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 – першай трэці 20 ст.) / С.М. Токць. – Гродна, 2003.

16 Токць, С.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / С.М. Токць. – Брэст, 2008.

Подготовка сборника воспоминаний жителей западных областей Беларуси, записанных в рамках данного научного проекта, – это попытка с одной стороны отразить типичность рассказов о жизни «при Польше», а с другой стороны – сохранить индивидуальность каждого повествования.

Подлинным документом устной истории является аудио и видеозапись, однако историки почти всегда вынуждены работать с транскрипциями. Сборник материалов устной истории дает возможность историкам и людям, интересующимся историей, оперативно ознакомиться со значительной по объему информацией, получить первоначальные представления о содержании и особенностях этого источника. Воспоминания отражают особенность культурно-языковой ситуации западнобелорусского региона – большинство рассказов опубликованы в оригинальном виде – на русском и белорусском языках, но в ходе

транскрибирования решалась также проблема адаптированной передачи диалектных особенностей речи респондентов.

Итогом проделанной работы стал отбор для публикации 59 интервью, представленных в извлечениях (опущены сведения, не имеющие отношения к тематике сборника и хронологически выходящие за рамки исследуемого периода, а также вопросы, обращенные к респондентам). В квадратных скобках представлены краткие смысловые связки, предложенные составителями для лучшего восприятия текстов. Воспоминания располагаются в алфавитном порядке по фамилиям респондентов и сопровождаются необходимыми комментариями. В приложении к сборнику представлены географический указатель, методические рекомендации по сбору материалов устной истории и работе с респондентами, вопросник-путеводитель по периоду 1921–1939 гг.

.